

Я люблю этот город!

Иногда с человеком знакомишься, так сказать, заочно, не встречаясь с ним и не зная его в лицо. О чертах его характера, способностях, каких-то человеческих качествах узнаешь из рассказов других людей, из официальной или деловой информации, или потому, что ты являешься однофамильцем этого человека. Так у меня началось знакомство со старожилом Славутича, ветераном ЧАЭС, бывшим припятчанином, участником событий в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке, пенсионером и предпринимателем Виктором Ивкиным.

– Виктор, события ночи с 25 на 26 апреля многие люди, связанные со станцией, с Припятью, с этим краем, разделяют на ДО и ПОСЛЕ аварии. Давай и мы немного остановимся на вашей жизни и работе до аварии на ЧАЭС. Что и кто вам наиболее запомнились из того периода?

– Мой отец был машинистом и хотел, чтобы я продолжил династию, но мой друг уговорил попробовать себя в новой, более интересной и более престижной сфере – атомной энергетике. После школы я поступил в Белоярский энергетический техникум. Через два года учебы меня призвали в армию. Я попал в погранвойска и служил на Дальнем Востоке. Честно скажу, что с теплом вспоминаю период службы, своих товарищей и командиров. Мы и сейчас «ВКонтакте» (социальная сеть – Прим. автора) переписываемся. Армия меня закалила, дала возможность возмужать, стать более ответственным за свои поступки. В 1982 году, демобилизовавшись, я снова вернулся на учебу в техникум, который успешно закончил в 1983 году и был направлен по распределению вместе с товарищами на Чернобыльскую атомную электростанцию. Сначала общежитие, а потом, как молодому специалисту, мне дали однокомнатную квартиру в Припяти.

Припять для нас всех была самым прекрасным и молодым городом в мире! У меня с Припятью связаны и незабываемые события в личной жизни. Здесь я встретил свою первую большую любовь, здесь я женился и здесь у нас с Ниной в 1985 году появился старший сын – Роман. Это счастливое событие произошло за 10 месяцев до аварии.

– Вы не понаслышке знаете о событиях ночи с 25-го на 26-е и первых днях после аварии. Каковы ваши личные ощущения и воспоминания?

– Я не буду давать каких-то глобальных оценок, их и так сегодня много. Просто скажу о том, что я ощутил и увидел в эти мгновения, что видел спустя несколько часов и суток, когда я был на станции и в городе. Вечером 25 апреля 1986 года я заступил на смену дежурным электриком 3-го и 4-го энергоблоков. Это было моя предпоследняя рабочая смена перед уходом в отпуск. Мы с Игорем Фединыным, согласно установленному распорядку, вышли в обязательный обход оборудования. Мы с напарником обычно менялись маршрутом обхода. Одну смену он обходил реакторный, а я турбинный залы, а в другую смену наоборот. В этот раз мне досталось турбинное отделение. Весь обход занимает примерно что-то около часа. Вначале все было спокойно, только людей было немного больше, чем обычно. Я видел за работой Александра Акимова, Борю Столярчука, Лешу Топтунова, еще остались ребята из предыдущей смены, да это и понятно – проводился эксперимент. Здесь же был и заместитель главного инженера по эксплуатации второй линии Анатолий Дятлов. Мне часто приходилось проходить через блочный зал. В какой-то момент старший инженер управления турбины

Игорь Киршенбаум попросил меня подстроить один из приборов регистрации, но в остальном все было спокойно. После обхода мы доложились начальнику смены о том, что обход проведен и всё в порядке, и отправились к себе в помещение. Пришли ребята с третьего энергоблока. Прошло какое-то время, и вдруг мы услышали сильный низкий гул и сильно трянуло помещение, стены заходили ходуном. Потом пропал свет. Надо сказать, что было как-то не по себе, даже страшно, спустя 45 секунд заработали резервные дизели и появился аварийный свет. Все помещение было в пыли, в коридоре сплошная белая стена, всё как-будто в молоке. Смотрим друг на друга, глаза испуганные, ничего понять не можем. Возвращаемся к столу начальника смены, но связи с четвертым блоком нет. Начальник смены третьего блока информирует, что у них всё в порядке. Через несколько минут с поста дежурного электромонтера звонят и сообщают, что от ГЦНов (главные циркуляционные насосы) валит сильный пар, разрушены стены. Там находились старший оператор газового контура Игорь Симоненко, оператор Владимир Семикопов и дежурный электрик Александр Бабин, они все получили лучевую болезнь. Ребята из некоторых помещений не могли сразу перебраться в более безопасную зону, так как были разрушения. Никогда не забуду, как появился оператор ГЦНов Виктор Дегтяренко, которого ошпарило так, что кожа местами ключьями висела. Он весь был облит маслом. Возможно, не все действия были оправданы, но пытались определить причины, величину аварии. Проходили поиски товарищей, оказывалась помощь. Долго не могли смириться с гибелью старшего оператора ГЦН Валерия Ходемчука, поиски велись и утром. Опасность возникновения большого пожара заставила пожарных лезть в такие места, куда, возможно, и не надо было, но чувство ответственности, профессионализм заставляли их идти навстречу опасности. Да, наверное, и не совсем они осознавали опасность радиоактивного облучения... Спустя час-полтора начали поступать заявки на различные задания. Если в первые минуты аварии я не совсем представлял, что произошло, то при выполнении работ спустя час после аварии, проходя машинным залом, я увидел в провал крыши звездное небо. В нашем помещении вышел из строя прибор регистрации уровня радиоактивности. Нам поступила команда перебраться в такое же помещение на 3-м энергоблоке, которое было дальше от места аварии. Я с глубокой благодарностью вспоминаю и всегда буду помнить нашего начальника смены второй очереди цеха ЦТАИ Михаила Ельшина, который, не дожидаясь никаких команд, отдал приказ всем принять йод, надеть лепестки, нас за оставшееся время смены дважды направляли в санпропускники, где мы принимали душ и меняли спецодежду. В 6 утра он дал команду остаться на посту по одному человеку, а остальным было приказано спуститься в бомбоубежище. Он тоже остался на посту. Мой напарник

Игорь отправил меня в бомбоубежище. Я думаю, что во многом обязан жизнью ему, да и не только я один. Смена не закончилась в восемь утра, а продолжилась еще часа полтора. Нам пришлось срочно сдать кровь на анализ, и нас еще водили на собеседование в особый отдел. Спрашивали, что видел, как это могло произойти, что делал. Так что в город мы попали только после одиннадцати часов, уже днем. А мы с женой собирались пойти на рынок, и она вышла с коляской в центр. На улице встретила одноклассницу, которая и спросила у нее об аварии на станции. Только не владея еще точной информацией, ее одноклассница сказала, что взрыв произошел на первом блоке. Нина вернулась домой и позвонила соседу Вячеславу, который тоже работал на ЧАЭС, но только прослулся и еще не был в курсе произошедшего. Тогда жена уточнила у него, на каком блоке я работаю. Он ответил, что на четвертом. Она немного успокоилась и уже ждала меня дома. Я пришел в начале двенадцатого, очень хотелось есть, поел и лег спать, ведь вечером меня ждала последняя перед отпуском смена. Когда кушал, то, вспомнив наставления Михаила Анисимовича, выпил водки. Нина разбудила, как я и просил, в 10 часов вечера, поужинал, но когда стал выходить на работу, она встала в дверях, раскинув руки, и сказала, что не пустит. Пока я спал, она выходила на улицу, где и узнала о произошедшей аварии на четвертом энергоблоке. Мне пришлось долго уговаривать ее, обещая неукоснительно соблюдать технику безопасности. Одним из моих везений идти на работу был тот, что это моя последняя смена перед отпуском.

– Виктор, а как вы вернулись на ЧАЭС?

– Когда я все-таки поехал на последнюю смену перед отпуском, то на свой блок я так и не попал. Работали на первом и втором блоках. А еще нам прямо сказали: «Мужики, готовьтесь к эвакуации». 27 апреля в 16.00 мы выехали из Припяти, вместе с нами ехала и моя теща, которая приехала в этот день к нам в гости на дизель-поезде. После возвращения на станцию, в зону меня и моих товарищей не пустили. Почти вся наша смена летом 1986 года стала комендантами теплоходов, на которых жили ликвидаторы. Мне достался «Тарас Шевченко». Потом был Зеленый Мыс. Работал по вахтам, занимался тем же, что и на теплоходе – расселял. Организовывал питание и другие хозяйственные дела. В 1987 году семья уже жила в Киеве, где и родилась дочь Валентина. Начались реорганизации и нас пытались вывести в отдельный комбинат. Мы решили вернуться на станцию. Обратились к Генеральному директору ЧАЭС Михаилу Уманцу, который дал гарантийное письмо о необходимости данного работника и обязательствах не допускать больше 1/3 допустимой дозы облучения. Благодаря заведующей 6-й клинической больницей, где была комиссия о профпригодности, нам разрешили работать в зоне. В феврале 1988 года я вернулся на третий

энергоблок Чернобыльской АЭС. В марте этого же года я приехал посмотреть Славутич и в тот же день побывал в отделе кадров, где оставил заявление, что хочу жить в этом городе. Это мой город и я его полюбил с первой встречи! Когда я приехал в Киев, то эту новость сообщил жене. Нина не сразу согласилась с моим мнением, но я сказал, что Киев – не мой город и я хочу жить в Славутиче. В октябре 1988 года я получил ордер на коттедж в Киевском квартале, но переехать в него мы смогли только в феврале 1989 года. Причина такой задержки проста и банальна – прорыв системы отопления и затопление первого этажа. 17 мая этого года уже в Славутиче в моей семье появился младший сын – Александр. На станции я проработал до 2001 года. Был мастером в цехе ЦТАИ, потом мастером по ремонту на участке по дезактивации подвижного состава при объекте «Укрытие», там же стал начальником участка. Когда создавалось Центральное предприятие по переработке радиоактивных отходов, пригласили начальником отдела, после этого работал заместителем начальника цеха на объекте «Укрытие», а в 2001 году, когда организовывался «Атомремонт-сервис», был приглашен туда ведущим специалистом по маркетингу. В 2003 году перешел в частные структуры. В конце года перенес два инфаркта, спасибо нашим реаниматологам из СМЧ-5, которые меня спасли. Полтора года сидел на одной пенсии. Сегодня возглавляю закрытое акционерное общество, где вместе со мной работают и сыновья.

– Чем или кем стал для вас Славутич?

– Город почти ровесник моих детей. Ему сегодня столько же, как и мне на момент аварии – двадцать пять. Вместе с ним росли дети, взрослые и становились на крыло, и он благоустраивался, появлялись свои традиции, достраивались дома и радовались новоселы. Как у любого ребенка, были и есть свои болячки, но есть и первые шаги, успехи и победы. Я не видел начала рождения города, как не видят многие отцы первые мгнове-

ния своего ребенка, но вот им его показали – и счастье, и радость переполнили душу! Я помню, что в первый мой приезд в город пришлось останавливаться на переезде, а потом появился красивый мост. Центральная площадь еще представляла строительную площадку, и асфальтированные пешеходные дорожки и автомобильные дороги не имели такого вида, как сегодня. Однажды, проходя около стадиона, нам с товарищем пришлось оказывать помощь горожанину, который провалился в свежесрытый колодец. Дело обошлось синяками, оправдалась народная поговорка, о том кому везет, а он шел с какого-то праздника. Наиболее комфортно в городе молодому поколению. Это я сухо не по высказываниям, а на примере собственных детей. На моих глазах строились школы, открывались ДДЮТ, ДШИ, КДЮСШ, ФОКи. Благодаря занятиям в студии «АКВА», дочь Валентина успешно занимается дизайном и работает в Киеве. Я никогда не пожалел, что приехал в Славутич! Это город моей судьбы, который я люблю, с которым делю и трудности, и радости. Этот год тоже знаменателен в нашей большой семье. В начале мая женился младший сын, и еще одна молодая семья появилась в Славутиче, а дочери, как и городу, сегодня 25 лет.

– А Припять вспоминаете?

– Первая любовь, свадьба, первая собственная квартира, друзья, первый город энергетиков – да разве это все забудешь! Без Припяти, наверное, и не было бы Славутича. И город Белого ангела дарит нам то, что не успел подарить город Припять... Судьба дала силы Славутичу выстоять и развиваться и при развале Союза, когда уехало большинство его строителей, и когда прекратили давать электроэнергию ЧАЭС. Сегодня, когда он отмечает двадцатипятилетие, просто хочется сказать: «Живи вечно, родной город! Счастья и благополучия вам, славутчане!»